
IMPERATIVE VERBS IN PREDICATIVE FORMS

Ali Adnan Mashosh

dr.aliadnan79@gmail.com

Iman Owaid Mohammed

imanoweed@colang.uobaghdad.edu.iq

*University of Baghdad - College of
languages*

DOI: [10.31973/aj.v1i140.1593](https://doi.org/10.31973/aj.v1i140.1593)

Abstract

The article has an attempt to consider the verb in Imperative Mood as the predicative center of the sentence. The attention is focused on the way as a morphological category, which, in contrasting the forms of real, imperative and conditional ways, relates action to reality. In Russian it can be represented as Real, Conditional and Imperative Mood, which are contrasted with each other by the notation of reality (real way) – unreality (conditional and imperative ways) of action. It is explained that the predicative core of a sentence is subject and predicate. This thesis allowed us to outline two views on the problem of the verb in the imperative: the first is the verbocentricism, when the verbal predicate is the starting point for the deployment of the constructive composition of the sentence, i. e. the predicates are the core of abstract semantic syntagmas, and the actants are concretisations of the semantic predicates of valences; the second is an anti verbocentric, or systemic, when the third place in the scheme is determined not by a verb, but by an attitude.

Keywords: verb in Imperative Mood, predicative center, Russian, way, verbocentrism, antiverbocentrism.

**ИМПЕРАТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ В ПРЕДИКАТИВНЫХ
ФОРМАХ**

Доцент др. Али Аднан Машуш

Иман Уваид Мухаммед

старший преподаватель кафедры русского языка

Багдадского университета

Ирак, г. Багдад

dr.aliadnan79@gmail.com

imanoweed@colang.uobaghdad.edu.iq

В статье сделана попытка рассмотреть глагол в императиве как предикативный центр предложения. Акцентируется внимание, что способ как морфологическая категория, которая выражает в противопоставлении форм действительного, повелительного и условного способов отношение действия к действительности, в русском языке может быть представлена такими видами: действительный, условный и повелительный, что противопоставляются друг другу по обозначению реальности (действительный способ) – нереальности (условный и повелительный способы) действия. Объяснено, что предикативное ядро предложения – это подлежащее и сказуемое. Такой тезис позволил очертить два взгляда на проблему глагола в императиве: первый – вербоцентризм – когда глагольное сказуемое выступает исходным пунктом в развертывании конструктивного состава предложения, т. е. предикаты – ядра абстрактных семантических синтагм, а актанты – конкретизаторы семантических валентностей предикатов; второй – антивербоцентрический, или системный – когда третье место в схеме определяется не глаголом, а отношением.

Ключевые слова: глагол в императиве, предикативный центр, русский язык, способ, вербоцентризм, антивербоцентризм.

Постановка проблемы. *Императив*, или *повелительное наклонение*, остается одной из актуальных проблем, что и вызывает всеобщий интерес к проблеме изучения функционально-семантического и коммуникативно-прагматического аспектов современного русского языка языков (И. Андреева, В. Виноградов, А. Немешайлова, С. Глазкова, А. Шахматов, Д. Шмелев и др.). Это объясняется тем, что тот или иной способ (например, *действительный*, *условный* и *повелительный*) помогает выкристаллизовать прагматическое внимание ключевых для говорящего аспектов побуждения адресата к действию. Кроме этого, рассмотрев *глагол в императиве* в том или ином предложении, а также ж зафиксировав окружающие его по левую и правую стороны

члены, можно вскрыть отдельные теоретико-методологические вопросы функционального и коммуникативного аспектов синтаксиса современного русского языка вообще, а также ж предикативном ядре предложения – подлежащем и сказуемом (см. работы Ф. Буслаева, А. Потебни, А. Шахматова и др.) в частности.

Анализ последних исследований и публикаций. *Императив*, или *повелительное наклонение*, был в центре внимания таких исследователей, как Л. Бархударов, Б. Ильиш, А. Смирницкий др. Как правило, этот способ, изучался в пределах *коммуникативно-прагматического подхода*, т. е. основное внимание было сосредоточено на *речевых актах повелительного наклонения в русском языке*, что дало возможность предложить классификацию высказывания побудительной семантики, среди которых стоит назвать работы И. Андреева, В. Виноградова, А. Немешайловой и др.

Цель статьи. Цель статьи – рассмотреть глагол в императиве как предикативный центр предложения.

Изложение основного материала. Несмотря на то, что *категория наклонения глагола* по-разному толкуется в лингвистических студиях, разнообразие взглядов обусловлено тем, насколько авторы учитывали форму и содержание, насколько они находились под влиянием аналогии других языков, и какова их позиция в вопросе грамматической омонимии. И. Хлебникова определяет понятие *способа глагола* как грамматическую категорию, которая выражает модальность в форме глагола [9, с. 10]. Под *модальностью* она понимает понятийную категорию, отражающую комплекс значений, которые имеют различные рефлекс в языке и реализуются, главным образом, в сказуемом и в способе глагола [9, с. 7].

Способ – это морфологическая категория, которая выражает в противопоставлении форм действительного, повелительного и условного способов отношение действия к действительности. В русском языке существует три способа глагола: *действительный*, *условный* и *повелительный*, что противопоставляются друг другу по обозначению *реальности* (действительный способ) – *нереальности* (условный и повелительный способы) *действия*.

В соответствии с функциями, которые выполняет императив, ученые на сегодняшний день говорят о монофункциональных и полифункциональных побудительных конструкциях. Если к монофункциональным входят побудительные конструкции с синтетическим, аналитическим и перформативным глаголом, то среди полифункциональных побудительных конструкций выделяют побудительные конструкции с модальным глаголом, с

глаголом в форме условного и реального способов, с неличными формами глагола и безглагольные побудительные конструкции [9].

Специфика семантики побудительных конструкций прежде всего определяется функциональным назначением императива. В каждом конкретном речевом акте волеизъявления обычно присутствует оценка сообщаемого как говорящим, так и слушателем (слушателями). Сообщаемое соответственно может расцениваться как *просьба, совет, разрешение, пожелания, инструкция* и т. п. Однако все побудительные конструкции имеют общий смысловой компонент – значение волеизъявления. Понимая сложность решения проблемы, попытаемся отметить типы побудительных конструкций, которые были выделены в классификациях, разработанных в диссертационных исследованиях украинскими и российскими лингвистами в последние годы. Так, И. Хлебникова, анализируя различные типы директивных речевых актов, выделяет среди них *просьбы, ходатайства, приказ, требование, совет, оговорки, предложение и приглашение* [9, с. 15].

В лингвопрагматике прослеживается классификация речевых актов, которая была выполнена на основе психологических, ситуативных и социальных признаков речевого взаимодействия, ключевыми из которых остаются ролевые отношения между партнерами, коммуникативное намерение говорящего, общность их фоновых знаний и / или опыта и др. Традиционной считается классификация речевых актов Дж. Р. Серля [11], которая в дальнейшем была конкретизирована Е. Беляевой. Исследовательница разделила все директивные акты на *прескриптивы, реквестивы и суггестивы* (см. труды Е. Белявой).

Так, например, инвариантным содержанием директивов является выражение волеизъявления говорящего, которое побуждает адресата к выполнению определенного действия. При этом вариативное содержание директивов обусловлено прагматическими признаками высказывания, среди которых ключевую роль играют следующие: *облигаторность (обязательность) выполнения действия для адресата, бенефактивность (желательность) действия для одного из коммуникантов. Учитывая все эти признаки были разграничены прескриптивы (инструкция, приказ, разрешение и др.), реквестивы (приглашение, просьба и др.), суггестивы (предложение, предупреждение, совет и др.)* (см. труды Е. Белявой).

Если опираться на теорию лингвопрагматики, можно рассматривать вид с позиции его вовлеченности в речевой акт, который может быть детерминирован с помощью комплекса экстралингвистических факторов. Поэтому можно предположить, что в директивах видовая принадлежность императива соотносится с прагматическими признаками действия, которые отражают социально-психологические отношения между адресатом и адресантом. Признаки действия, которые определяют грамматическую семантику *несовершенного* (например, длительность, повторяемость, многократность) и *совершенного* (локализованность, однократность, результативность) *вида*, считаются первичными, т. е. видовыми, условно-прагматическими значениями. Виды, которые употребляются в директивных актах, не веря во внимание грамматические значения, как правило, приобретают дополнительные, обусловленные значения, которые можно квалифицировать собственно-прагматическими, ожидаемости и / или неожиданности действия.

Пытаясь изучить глагол в императиве, можно предположить, что он может представлять предикативное ядро предложения, т. е. подлежащее и сказуемое. Представители *логико-грамматического направления* в лингвистике (Ф. Буслаев) отождествляли подлежащее и сказуемое с субъектом и предикатом мысли, сторонники *психологизма* (А. Потебня, А. Шахматов) говорили о психологических субъекте и предикате, выражаемых в предложении, затем лингвистика отошла от этого и стала развиваться в русле формализма. Термины «подлежащее» и «сказуемое» стали относить к предикативной единице, а субъект и предикат – к коммуникативной единице. Единственным падежом подлежащего в традиционной грамматике признается именительный. Инфинитив или сочетание слов в роли подлежащего – аналоги именительного падежа существительного. Сказуемое большинством ученых считается «грамматически зависящим от подлежащего» [3]. Сказуемое имеет более разнообразные формы выражения, которые можно свести к 3-4-м разновидностям. Однозначно выделяют глагольное и составное (именное и глагольное) сказуемые, некоторые ученые говорят о сложном или смешанном, в котором глагольный компонент еще не стал связкой, но стремится к этому.

По формальной представленности главных членов выделяют предложения двусоставные и односоставные (определенно-личные, обобщенно-личные, неопределенно-личные, безличные, инфинитивные, назывные, а также неполные, нечленимые,

генитивные). Второстепенные члены, распространяющие подлежащее, сказуемое и друг друга традиционно делят на дополнение (вступает в объектную связь при помощи управления), определение (вступает в атрибутивную связь при помощи согласования), обстоятельство (вступает в обстоятельственную связь при помощи примыкания) [8, с. 14]. Компоненты, осложняющие простое предложение, не рассматриваются в традиционном синтаксисе как свернутые пропозиции. Таковы в предельно обобщенном виде взгляды на конструктивное устройство предложения. Предложение как сверхцелое помимо модального качества характеризуется целевой направленностью и коммуникативной перспективой [7, с. 195].

Кроме этого, основываясь на достижения коммуникативно-прагматического подхода, т. е. директивные акты, обращаем внимание на то, что характер глаголов в императиве можно объединить и проследить в пределах двух лагерей – вербоцентрического и антивербоцентрического. Попытаемся в этом разобраться.

Трудно отрицать, что “[...] глагольный предикат – это нечто большее, чем просто лексическое значение. Выражая определенное значение, он в то же время содержит в себе макет будущего предложения” [5, с. 88]. Этот макет называют *схемой валентностей глагола, надежной рамкой, грамматической конфигурацией, моделью*. Пытаясь развивать мысль Э. Паулини об интенции глагольного действия (действие откуда-то исходит и куда-то направляется), Р. Мразек говорит, что интенция предопределяет валентность и является семантическим признаком глагола (см. труды Р. Мразека).

Число сторонников вербоцентризма велико. И. П. Распопов определяет *глагольное сказуемое* как исходный пункт в развертывании конструктивного состава предложения. М. Л. Крючкова исследует синтаксическую сочетаемость глагола и существительных вкупе с лексической сочетаемостью, что приводит ее к бесконечно длинному перечислению классов имен, сочетающихся в определенной форме с тем или иным глаголом. Е. Падучева предлагает характеризовать глагольные лексемы по четырем параметрам: *тематическому классу*, который часто имеет свои характерные проявления в синтаксисе, *таксономической* или *онтологической категории*, определяющей схему или формат толкования, обязательным участникам ситуации, категоризации актантов. Л. Васильев говорит о *предикатах* как о ядрах абстрактных семантических синтагм, а об *актантах* – как о конкретизаторах семантических валентностей

предикатов и также включает в принципы классификации глагольной лексики синтагматический принцип – количество и качество глагольных валентностей, наряду с денотативным и парадигматическим (таксономическая категория) принципами. Д. Н. Шмелев, не преувеличивая значимость глагола в предложении, рассматривает *схему валентностей* как внутреннюю форму конструкции, поскольку именно элементы морфологического и лексического уровней образуют форму синтаксических единиц.

Иную точку зрения имеют В. С. Юрченко и его последователи. Согласно их теории, в морфемной и семантической структуре глагола отражены окружающие его члены, это отражение, а не порождение. Чем объясняются валентные свойства предиката? Объяснив предложение через предикат, мы будем вынуждены объяснить предикат через предложение. Обстоятельства и дополнения через глагол-сказуемое связаны с субъектом, в силу чего являются скрытыми или потенциальными предикатами. Эта тройственная связь и есть предикативное отношение [10, с. 2–16]. Основные элементы предложения: предмет – первый признак (опосредствующий) – второй признак (опосредствованный). В. Юрченко, наконец, решает: “принцип минимальности структурной схемы должен быть заменен принципом оптимальности предикативной структуры” (см. др. труды В. Юрченко).

А. Гуминский, приводя в пример структуру с прямым дополнением, где якобы не семантика глагола требует дополнения, а глагол может функционировать только при наличии прямого или косвенного объекта, развивает мысль В. С. Юрченко: “[...] не сказуемое “порождает” структуру предложения, а наоборот, структура предложения обуславливает грамматическую и в значительной мере семантическую природу сказуемого [...]. С методологической точки зрения представляется странным тезис о примате элемента над структурой”. Антивербоцентрический, или системный, подход позволяет признать стандартной двухпадежную структуру, а структуры, содержащие один падеж, назвать элементарной падежной структурой. Именно поэтому Т. Ломтев задолго до этого говорил, что третье место в схеме определяется не глаголом, а отношением. Но форма этого имени, по его мнению, определяется глаголом. С. Кокорина также считает, что в формировании семантической структуры предложения существенную роль играет значение самой структурной схемы, присущее структурной схеме до ее лексического наполнения.

“Дискуссионный вопрос о том, задаются ли компоненты моделью или сами создают модель, представляется разрешимым

только в смысле взаимной обусловленности модели и компонентов [...]” [4, с. 23], “большинство сочетаний глаголов с именами строится не на основе управления, глагольного “требования”, а на основе синсематичности, взаимной готовности обеих сторон к соединению, при наличии общих сем”. *Глагол* – это связующее звено между субъектом и предикатом мысли, знак отношения между ними. Он “впитал в себя семы из значений тех слов, которые поставлены говорящим в субъектно-предикатную связь” [6, с. 257].

Различия в значениях определяют различия в синтаксическом поведении слов. Слова одного семантического класса стремятся к унификации типов связи, так происходит “освобождение языка от многофункциональности, синкретичности и дублетности форм” (по Ю. Апресяну). В классах структур предложений, объединенных общностью значения, употребляются близкие по семантике глаголы. Значение глагола и значение схемы приводятся говорящим в соответствие. Корни лексической ограниченности синтаксических форм уходят в историю, для современного состояния языка можно лишь констатировать как сложившийся факт единство лексического и грамматического значений в синтаксической форме слова.

С. Кокорина выделяет три варианта соотношения грамматической семантики конструкции и лексической семантики словоформ: соответствие, несоответствие и “приспосабливание” значения предиката к значению конструкции (см. труды С. Корориной). По всей видимости, в случае несоответствия значений глагола и структуры не может быть построено информативно достаточное предложение. Осмысленные высказывания получаются путем отбора лексических средств для конструкции (в некоторых случаях, возможно, конструкции для лексических средств), в результате чего формируются более или менее устойчивые лексические объединения, изосемичные схемам языка.

Каждое такое объединение подобно лексико-семантической группе и тематической группе включает ядро и периферию, зачастую обширную. Такие “общие владения” имеют как схемы с разным типовым значением, одинаково употребительные в какой-либо период развития языка, так и схемы, идентичные по значению, расположенные последовательно на временной оси. В. Адмони вводит термин “логико-грамматический тип”, под которым понимает единство определенной структуры и определенного обобщенного значения. Логико-грамматические типы предложения обладают полевой структурой, периферия которой состоит из таких конструкций, в которых конкретное

лексическое значение не совпадает с обобщенным грамматическим значением данной формы, начинает выражать значения иного рода или “проявляет экспансию” [1, с. 27–28]. Глаголы разных семантических классов, выступающие в качестве организующих центров предложений с одним типовым значением, исследователи относят к функциональным эквивалентам.

Фундаментальным для понимания структуры высказывания считается деление предикатов по общности семантики. Существует множество таких классификаций. Н. Арутюнова различает глаголы со значением механического действия и глаголы, обозначающие ментальные акты. И. Мещанинов дифференцирует, в первую очередь, действия и состояния. Э. Кузнецова выделяет семантические поля глаголов бытия, сознания, движения, деятельности, отношения, У. Чейф – состояния, процесса, действия, В. Богданов – действия, состояния, свойства и отношения, Б. Норман – состояния, действия, воздействия, отношения, квалификации, квантификации, экзистенции, локализации, передвижения, ментальной деятельности.

Л. Васильев, руководствуясь денотативным (тематическим), парадигматическим и синтагматическим принципами, приходит к выводу о существовании общности глаголов эмоций и относит такие глаголы, наряду с глаголами ощущения, желания, восприятия, внимания, мышления, знания, памяти, к глаголам психической деятельности [2, с. 43].

Вывод. Подводя итог, можем констатировать, что глагол в императиве может играть одну из ключевых ролей в формировании предикативного центра предложения, так как именно эти элементы как морфологического, так и лексического уровней, образуют форму синтаксических единиц. Такой тезис позволил очертить два взгляда на проблему глагола в императиве.

Первый – вербоцентризм – когда *глагольное сказуемое* выступает исходным пунктом в развертывании конструктивного состава предложения, т. е. *предикаты* – ядра абстрактных семантических синтагм, а *актанты* – конкретизаторы семантических валентностей предикатов.

Второй – антивербоцентрический, или системный – когда третье место в схеме определяется не глаголом, а отношением.

Перспективой дальнейших исследований видим в анализе глаголов в императиве на примере конкретных предложений, и попытка обосновать их как предикативный центр предложения.

Список использованной литературы

1. Адмони В. Г. О синтаксической семантике как семантике синтаксических структур // СЛЯ. 1979. № 2. С. 24–36.
2. Васильев Л. М. Семантика русского глагола. М, 1981.
3. Грамматика русского языка. Том II. Часть I. Синтаксис. М, 1954.
4. Золотова Г. А. К вопросу об объекте синтаксических исследований // СЛЯ. 1979. № 1. С. 13–21.
5. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л, 1972.
6. Попова З. Д. Структурная схема простого предложения и позиционная схема высказывания как разные уровни синтаксического анализа // Словарь. Грамматика. Текст. Москва, 1996. С. 255–268.
7. Распопов И. П., Ломов А. М. Основы русской грамматики. Воронеж, 1984.
8. Руднев А. Г. Синтаксис простого предложения. М, 1960.
9. Хлебникова И. Б. Сослагательное наклонение в английском языке // Теория и практика: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Саранск: Красный октябрь, 1994. 176 с.
10. Юрченко В. С. Проблемы общей и русской грамматики. Саратов, 1995.
11. Searle J. R. Classification of Illocutionary acts // Language in Society. 1976. Vol. 5. № 1. P. 1–23.